

Первая глава. Мораль и мираж

Полуденное солнце властвовало на вершине небосвода. Оно нещадно припекало все к чему прикасалось, но его лучи не могли пробиться сквозь густую хвойную поросль, а потому в лесу было скорее душно, чем жарко. Пахло сухой древесиной.

Могучую лесную изгородь рассекала неказистая и ухабистая сельская дорога достаточно широкая, чтобы по ней могла проехать телега, но недостаточно, чтобы смогли разъехаться две.

По этой дороге шел путник, на первый взгляд совершенно не примечательный, как ни посмотри на него: одет в шаровары зправленные в запыленные сапоги, пара дорожных сумок, большая и малая, висят на плече и несколько подсумков на нескольких поясах, как обожают обвешиваться небогатые бродячие торговцы, к одному из поясов был прицеплен кинжал. Белая рубаша путника вымокла от пота и прилипала к спине, а опирался он на слегка погнутый дорожный посох.

Но стоит приглядеться к путнику поближе, как в глаза бросаются некоторые странности, совершенно не типичные для простого путника. То, что воротник у его рубахи украшен богатой вышивкой, шаровары из дорогой ткани, а сапоги высочайшего качества – не так уж и удивительно. Сложно встретить менестреля или барда, которые не любят пощеголять в дорогущих нарядах. Вот только не встретишь такого барда, что заматывает руки, от локтя до запястья, лоскутами ткани, на которых вышиты руны. Не у каждого торговца вместо малой сумки висит многотомная книга. И далеко не каждый путник украшает дорожный посох детальной и многогранной резьбой, узоры, символы, руны и тексты которой перетекают из одного в другое и смешиваются в смыслы понятные лишь знающим.

Мужчина статный и высокий, в летах, когда почтенный возраст уже не за горами, но силы еще достаточно, чтобы соперничать с молодежью. Каштановые волосы стянуты в хвост, а борода коротка. Его глаза, светло-карие почти золотистые, уверенно смотрят вперед.

Он идет не торопясь, словно на прогулке, а для него по сути это и есть прогулка – идти не ведая куда, не ведая как долго продлится путь, и даже не ведая цель своего странствия, а лишь смутно представляя ее очертания.

И как это часто случается во время странствий, на дороге возникают препятствия. Вот и сейчас из-за деревьев вышли два мужика и вынудили путника остановиться. С виду мужики сельские – простые, да только лица у них уж больно наглые и в руках у одного дубина, а у другого – топор.

-Здрав мил человек, кто таков и куда путь держишь? – спросил один из них.

-Я лишь странник, иду туда, куда дорога меня поведет – спокойно ответил мужчина.

Мужик глянул на сумку и подсумки и гадко усмехнулся.

-Я вижу, путник, ты торговлей живешь, покажи-ка нам свой товар.

Путник лишь покачал головой.

-Нет мужики, я не торгую.

-То не важно, ты сумки выверни и показывай, мы сами решим, что сторгуется, а что нет.

Путник оставался безразличным в лице, он уже решил прекратить этот разговор, просто развернулся и сделал шаг в обратном направлении, а со второго шага уже рванул вперед попытавшись бежать, но тут же затормозил, потому что путь ему преградили еще два мужика – один с ножом, другой с вилами.

-Так уж нынче повелось – заговорил один из тех, что зашли сзади – что на этой дороге мы хозяева и проход по ней позволен только тем, кто нам мзду платит.

-Ну, не тушуйся ты дядя – продолжил за товарища уже другой – Отдавай все ценное и ступай себе с миром, а будешь сопротивляться – прибьем али прирежем и все равно добро твое нашим станет. Решай сам, да побыстрее.

Разбойники окружили путника, но подходить слишком близко не торопились. Путник перехватил посох, встал в защитную стойку – Только попробуйте! – яростно выкрикнул он и стал медленно кружить на месте и активно вертеть головой, стараясь не упускать из виду никого из четверых и оценивая, кто нападет первым.

-Ну вот все и решилось! Левапко, вали его! – выкрикнул мужик с ножом и махнул рукой. В то же мгновение рядом с путником просвистела стрела и воткнулась в землю, еще через мгновение со стороны леса прилетела еще одна – тоже мимо. Путник сумел мельком разглядеть таившегося на дереве стрелка. А мужики негодовали:

-Левап! Криворукий... – бандит не успел закончить жалобу, так как путник решил не дожидаться следующей стрелы и атаковал первым.

Он совершил рывок в сторону разбойника с вилами, вместе с этим схватив посох в одну руку на манер меча и молниеносным ударом сверху поразил мужика в лоб самым кончиком посоха. Тут же путник взмахнул рукой по воздуху, словно отталкивая кого-то, и бандита вооруженного ножом отбросило назад, тот жестко повалился на спину, едва не сделав кувырок.

Случившееся ошарашило остальных разбойников, они не ожидали такого агрессивного сопротивления, поддавшись панике закричали и бросились в лобовую атаку. Путник снова взялся за посох двумя руками и, оттолкнув одного ногой в живот, принял посохом удар дубины от второго, тут же отклоняя эту атаку в сторону, жестко ударил бандита краем посоха по лицу. Совершив удар мужчина шагнул в сторону, рядом с ним снова просвистела стрела.

Бандит, тот что с ножом, поднялся на ноги, как и вооруженный топором, которого путник ранее оттолкнул ногой, они снова бросились в атаку. Мужчина одной рукой взял посох за кончик и мощно крутанул им над головой несколько раз, при этом совершая шаги вперед и кружась словно в танце. Крутящийся посох свистел разрывая воздух, разбойникам приходилось отскакивать назад, чтобы не угодить под удар.

Бандит с топором, решив, что выгадал подходящий момент рванул вперед намереваясь зарубить жертву. Но путник, словно этого и ожидая, крутанул в сторону с криком – «Каль-эс!» – делая более быстрый взмах чем раньше. Бандит попытался заблокировать удар и изловчился принять посох лезвием топора, но как только посох коснулся металла, тот лопнул, как лопнуло и топориче. Куски расколотого железа разлетелись в стороны, древко топора взорвалось опилками, расцарапавшими лицо бандита. Посох прочесал ему по волосам, но голову не зацепил, мужик мучительно закричал и упал на колени хватаясь за обмякшую руку. Посох путника остался невредим.

Бандит с ножом пытавшийся подобраться сзади медлил и потому избежал чудовищного удара. А теперь и вовсе замер в нерешительности. Воспользовавшись растерянностью бандита путник

подобрал с земли камешек, поднеся его к устам что-то прошептал, и метнул туда, где должен был сидеть разбойник с луком. Где-то среди веток раздалось удивленное «Ой!», а затем испуганный крик и хруст веток ломающихся под весом падающего тела. Мужчина вскинул кулак, как жест победителя, и воскликнул «Да!». Затем он перевел взгляд на бандита с ножом, который краснея от злости пытался высказать что-то мерзкое, но криком оборвав невнятную фразу рванул в атаку яростно размахивая своим оружием.

Путник увернулся от первой атаки и играючи отбил вторую, держа посох в одной руке. А свободной рукой он ударил бандита в плечо, но не кулаком и не ладонью, а совершив щелчок пальцами, произнес «Ку-элог!». Мелькнула синяя вспышка, раздался жуткий треск, а разбойник вздрогнув лишился сознания и упал[1].

Путник взглянул на прочих своих обидчиков: первый, получивший удар в лоб – валялся без сознания, орудовавший топором – на коленях убаюкивал сломанную руку, в кустах стонал неудачно приземлившийся лучник, и наконец бандит получивший удар посохом по лицу – был оглушен, но оставался в сознании и только сейча с трудом сумел подняться на ноги, у него из носа ручьем текла кровь.

Мужчина, глядя прямо в глаза поднявшемуся на ноги мужику, осторожно подошел к бандиту с поломанной рукой. Щелчок, фраза, вспышка и треск – разбойник без сознания. Страх поселился в глазах говорливого бандита, он попятился назад, промямлил:

-Колдун вшивый, будь ты проклят! – развернулся и дал деру, спотыкаясь и пошатываясь из стороны в сторону – Всетворец сбереги мою душу!

Путник недолго смотрел на убегающего, устало вздохнул, взмахнул рукой, словно стряхнув пыль со стола, а бандит свалился, будто бы ему подсекли ноги, и как не пытался, подняться снова у него не получалось. А путник не торопясь подошел к нему – щелчок, фраза, вспышка и треск...

Полдень миновал. На сельской дороге, меж хвойных лесов кучка бандитов приводили в чувство своего товарища. Разбойники тесной группой стояли на середине дороги, в центре вычерченного прямо на земле круга. По его краям были записаны символы, которые если уж и не пугали бандитов, то серьезно настораживали. Хотя значение символов не было известно ни одному из них. В стороне от круга, тоже на середине дороги, расслабленный путник сидел на непонятно откуда взявшемся пне. Он ждал, когда очнется последний бандит. И когда это наконец случилось, мужчина заговорил:

-Теперь мужики, мы с вами можем поговорить. Видите ли, перед вами теперь стоит задача. Она не простая, но очень важная... – мужчина сделал паузу и обвел их всех взглядом – важная в первую очередь для Вас – снова демонстративная пауза – вы должны найти для меня причину, чтобы не убивать вас.

Разбойники замерли. Они не решались говорить, побаивались шевелиться и даже дышать. Мужчина продолжил:

-Начнем с тебя – он указал на крайнего слева, тот вздрогнул – Назови свое имя.

Бандит весь сжался, озираясь на товарищей испуганно захлопал глазами, но ничего не сказал.

-Не заставляй меня ждать. Если мне это надоест, то я оставлю вас здесь. Выйти из круга вы не

сможете, а волки смогут и войти, и выйти, они сегодня уж очень голодны и ночью с удовольствием вами полакомятся.

Разбойники всполошились. Криками и толчками они заставили товарища начать.

-О...О...Орб! Орб - мое имя.

-Ну вот, молодец Орб, откуда ты?

-Й... я... я из Яхово, деревни Яхово, это в той стороне, мимо речки и...

-Не важно, названия мне достаточно. Расскажи почему же друг мой Орб, ты решил жить грабежом и душегубством?

-Ну так... эм, это нужда заставила. Мы обычные крестьяне. Голодный год и в...

-Нужда? Голодной смерти испугался, и потому других убивать стал, меня убить хотел! Чем же друг мой Орб твоя жизнь ценнее других, почему она ценнее моей?

-Я... ну...

-А год этот разве же голодный? Я пять деревень в вашем краю обошел и все здравствуют, все в достатке и как местные говорили, голодать приходилось года три назад. Тогда то ты душегубство распробовал, чужого добра нагреб, так и по сей день себе жизнь облегчаешь за чужое добро. Чужие жизни и судьбы поганишь! Так! Скольких ты убил? Отвечай!

-Я? Убил? Нет-нет, я не... мы только грабим... и... и только пришлых. О...о...очень редко. Торговцев и бродяг... они обычно пугаются нас и сами все отдают. Всетворцом клянусь!

-Значит от Всетворца тебе воздастся, он клятвопреступников не прощает, и я прощать не намерен, ведь знаю я, что врешь ты. Нагло врешь и лживые клятвы даешь! Лгать не получится, я уже все про вас знаю или вы глупцы не поняли кто Я!

Мужчина резко встал и стукнул посохом о землю, выбив сноп искр. От искр вспыхнуло пламя оно окружило разбойников, вздыбилось до высоты древесных крон и тут же погасло. Трое из пятерки бандитов упали на колени и принялись молиться.

-Скольких убил? Говори.

Орб был из тех, что молились. Он дважды протараторил «Защити всесильный от злых сил» и тогда сказал.

-Молю о прощении вас господин и молю о прощении Всетворца, я солгал, на моих руках кровь. Я убил одного.

-Кого ты убил?

-Я не ведаю его имени, какой-то странный беловолосый бродяга, он что-то прятал в своей сумке, и не хотел показывать а я...

-А ты решил что это было что-то ценное и насадил его на вилы. И что же было у него в сумке?

-Т...т...три медяка.

-И ради этого ты убил? Ради трех медяков? Что ты на них купил? Сивуху или три куриных яйца? – мужчина стал расхаживать из стороны в сторону рассуждая – человек... живой человек, что он может сделать? Может построить... скажем дом, создать инструмент, возделать поле, накормить семью. Что еще? Помочь родичу может? Может. Или помочь соседу, незнакомцу, в конце концов спасти чью-то жизнь может, или даже несколько жизней. Или с человеком можно хотя бы просто поговорить, узнать какую-нибудь историю, научить чему-то новому. Да хоть в карты поиграть! Спеть или даже сочинить песню он мог бы. Столько всего может совершить человек, неужели его жизнь стоит дешевле трех медяков. А ведь он может сделать десяток благих вещей или сотню, или даже тысячу. Тебе дурному душегубу вообще известно насколько это много - тысяча? Насколько это по-твоему ценно? Фух!

Мужчина громко выдохнул, остановился и указал на следующего бандита.

-Теперь ты, назовись!

Однако заговорил не тот бандит, на которого указали, а другой, из тех, что не падал на колени. Все это время он вел себя смелее других. Как и все он старался лишний раз помалкивать, вот только корчил наглую и надменную рожу, всем своим естеством показывая «Меня этим не проймешь, не на того напали». Долго терпеть нравоучения он не смог:

-Угомонись колдун – сказал и плюнул, выказывая брезгливость к произнесенному слову – Ты дядя горазд языком чесать, уж уши вянут твою муть слушать. Лучше сразу убивай. Ты мне не мать и не батька, чтобы жизни учить. Я уж свой жребий душегубский сам выбрал и сам за себя перед Всетворцом отвечать буду.

-Ох! Неужто атаман свое слово сказал – издевательски ответил путник – И как же звать тебя атаман?

-На кой тебе имя мертвеца дядь. Али мнишь, шо праведник великий, так пускай с миром. Али уж раз ты такой добренький, такой правильный, ты может уж на ножик мой сам наткнешься. А добро твое уж нам то не в тягость придется – отшутился и сам же посмеялся атаман.

-Ты тут не ставишь условий! Назовись, или я придумаю для тебя нечто похуже смерти.

-Ух как страшен ты, колдун бл... бееее!

Путник щелкнул пальцами, и вместо слов изо рта атамана полилось козлиное бляенье. Разбойники всполошились, а атаман взявшись за горло умолк. Путник щелкнул еще раз – у атамана выросли рога и хвост. Почувствовав лишнюю часть тела, тот заблеял как ошпаренный и закружился на месте, ловя себя за хвост. Путник невольно усмехнулся, щелкнул третий раз – на месте рук и ступней оказались копыта, сам атаман согнувшись встал на четвереньки и панически бляя, стал скакать вдоль круга, лягая копытами товарищей. Тут уже путник всерьез засмеялся, а вместе с ним и еще пара бандитов. Мужчина в приступе хохота встретился взглядом с одним из хохотавших бандитов и резко стал серьезным:

-А ты чего смеёшься?

Щелчок – бандитский смех сменился хрюканьем, еще щелчок – другой бандит заржал, но уже буквально по лошадиному. Еще несколько щелчков и вся банда превратилась в месиво полулюдей-полуживотных, а колдун истерически хохотал и выкрикивал колкости.

Через некоторое время, насмеявшись вдоволь, путник решил прекратить бардак. Он в очередной раз щелкнул пальцами и все бандиты снова обратились в людей. Разбойники

замерли - кто-то на четвереньках, кто-то лежа, а кто-то сидя по-звериному. Несколько мгновений они осознавали, что их нормальный облик возвращен. А мужчина снова заговорил с атаманом:

-Я не расслышал твоего имени, уверен ты и сам своего блеяния не разобрал.

-Нефрап – атаман исподлобья смотрел на путника и тяжело дышал. Он был уж очень зол, но в то же время действительно напуган и спорить больше не смел.

-Откуда ты Неврап?

-Хата моя в лесу, меж деревнями Яхово и Торкой. Я лесом живу - охотой, грибами, ягодами, а иногда и...

-Иногда и разбоем, ясно. А родом ты откуда?

-Хм! Ты названия уж услышал, остальное же ж тебе без надобности, сам говорил.

-Для тебя надобность есть. Ну... говори.

-Деревня Вахтарка, она...

-Вот теперь хватит. Скольких ты убил?

-Ха! Думаешь, как признаюсь во всем, разжалоблюсь и так уж на колени паду, как эти вот! Нет, я своего жребия не стыжусь. Семерых! Семерых я уж лично прирезал. За монету, за сапоги, за рабскую! И что! И что ты мне на это скажешь?

-А кого ты убил первым?

Атаман плюнул в путника, но плевок завис в воздухе прямо над линией круга и мгновением позже просто упал.

-Тварь ты колдун! Редкостная тварь! Знал я уж таких, все за благим словом прячешься и благими делами бахвалитесь, да только трусы вы! И тоже за душегубство принимаетесь, да только уж не по своей охоте или нужде, а со страху. Я уж тебе подыгрывать не буду, хоть в осла превращай, хоть в жабу. Мне плевать! – он демонстративно отворачивается и присаживается на голую землю.

-Тогда лучше поведай нам Неврап, насколько она была красива, насколько она была хороша.

Только что присевший атаман вскакивает, пришедший в ярость и злобно глядя на путника, раздражается истерическим криком:

-Все то тебе уж известно! Не твое то дело! Думаешь уж пристыдить меня! А вот шиш! Укорять себя вшивому колдуну я не позволю! Сейчас я тебе расскажу, все уж расскажу, но вот ни капли, ни крохотной росинки раскаяния ты во мне не увидишь! Потому что... Любил я ее! Вот уж те клятва! Любил! Понимаешь? Делал для нее все! Дарил все, что она хотела и даже то, чего не хотела! А она со мной играла! Она была влюблена в другого, того, кто был мне братом! Но этому идиоту не хватало смелости! А она... уж она то вертела нами как хотела! Бежала от меня к нему, от него к третьему и уж снова ко мне! Но почему-то любила его! Ах... а из-под венца все же сбежала! И я помогал ей! Потому что любил ее! И я... я ее... Ах!

Атаман умолк, отвернулся, растолкал товарищей и спрятавшись за их спинами уселся, опустил

голову и более не произносил ни слова.

Колдун продолжил исповедовать бандитов.

-Ноидор звать меня – представился второй из упавших на колени – я из Яхово. Пускай господин колдун я и избрал душегубский жребий, да не судите обо мне как о злодее беспощадном. Всетворец мой судья. А случилось мне, и грабить, и бить, и убивать. Трех несчастных я в землишку уложил, а може и больше, потому как кулак тяжелый, да не ведома мне судьба тех несчастных. Но перед Всетворцом клянусь, не спроста я людей изводил, за благое дело трудился. И благодаря их крови, мои дети живы, сыты и одеты, а внуки здоровы, и внуков у меня столько – показал мужик три пальца – а самих детей столько – девять пальцев – и кровиночка моя мне дороже всякой другой и не пожалею я жизни ни своей ни чужой на их благо. И только лишь одно злодеяние меня мучает:

Раз положил я себе мысль: одному на промысел выйти, чтобы добычу не делить. Вышел я к тропе меж Торкой и Арсой, притаился в кустах и ждал. Долго ждал и ни купца, ни обозу, ни бродяги – никого не видать. Разобрала меня досада. Добро ж, говорю себе, не дает Всетворец корысти, так теперь любого, кто б не прошел, хоть отец родной, дочиста обдеру!

Только лишь подумал, идет по дороге баба убогая, несет что-то в лукошке, лукошко холстом обернуто. Лишь только поравнялась со мной, я выскочил из-за куста, схватил за руку и говорю: «Отдавай баба лукошко!». Она мне в ноги упала: «Что хошь бери, а лукошко не тронь!» А я как ухватился за лукошко как потянул, а баба голосить, ругать меня. За руку укусила. Я тем днем был уж больно сердит, а тут осерчал еще пуще. Злые силы не иначе мне разум забредили и я бабу топором зарубил. Как только свалилась она, страх меня взял. Я лукошко схватил да и пустился лесом. Как ноги подкашивать начало – остановился, присел и дай думаю погляжу, чего доброго раздобыл. Открываю лукошко гляжу, а там ребенок малый. Думаю: «Ах бесенок – из-за тебя баба не захотела лукошко отдавать, из-за тебя грех на душу взял» – мужик унывая пустил слезу – как подумаю об этом, сердце так и защежит. [2]

Бандит замолчал. Путник колебался несколько мгновений, затем задал вопрос:

-И что ты сделал с ребенком?

Мужик закрыл лицо руками.

-А что ж с ним делать то? Ребенок тот малый чуть живой был, еле дышал. А год голодный, у меня и своих ребятни вон сколько... В лесу его оставил.

-Эх Ноидор, тебе разве не было его жалко?

Мужик убрал руки от лица, глубоко вздохнул задержал дыхание и с тяжестью выдохнул.

-Жалко конечно... конечно жалко. Но... но разумеешь... убийство той бабы, тяготит меня много боле.

Откровенная исповедь удивила всех. Никто из собратьев бандита этой истории раньше не слышал. Молчание длилось несколько долгих мгновений. Путник снова присел на пень, положил посох на колени и сложив руки в замок подпер ими подбородок. Встретился взглядом со вторым не пожелавшим молиться бандитом. Тот стоял скособочившись и придерживая болевший бок. Он понял взгляд путника.

-Я Левап – спокойно произнес он и с жаром добавил – А теперь колдун назовись сам.

-Нет – отсек путник.

-Не гоже так – укоризненно возразил бандит – али боишься открыть нам кто ты? Судишь наши грехи, аки Всетворец, а о своих умалчиваешь. Ты бился как бывалый воин. Скольких убил ты сам?

-Больше чем ты можешь себе представить – спокойно ответил путник – и вам... особенно тебе стоило бы побояться моего имени. Поверь, это знание тебе ни к чему. А мои грехи принадлежат лишь мне, ведь моя жизнь только в моих руках. Вы же пытались отнять мою жизнь, но не вышло! Пф! И сейчас вы принадлежите мне, и я буду решать ваши судьбы. А теперь говори откуда ты родом.

-Видать здесь все мы убийцы. И на кой толк нам головы морочить? Наши жизни ничего для тебя не стоят, отпусти нас али хоть убей не мучая. Не праведник же, тебе не впервой убивать.

-Как же плохо ты слушал – выпрямил спину мужчина и опустил руки на посох – Разве я не говорил, на что способен живой человек, сколько благих дел он способен совершить, сколько ценностей он способен создать? Вдумайся! Даже вы душегубы чего-то да стоите. Вот Ноидор, у него прекрасная семья, и как горячо любим он соседями. А Орб, он не рассказал, но я и так знаю, сколь добра и чудесна каждая из его дочерей. Даже Нефрап, до того как ступил на темный путь, совершал благие дела. И его друзья, и некоторые родичи, и особенно тот, кто стал ему названным братом – все любили Нефрапа.

-Благо и мне приходилось совершать.

-Это правда, и Всетворец твой свидетель.

-И убивать нас ты не желаешь?

-Я высоко ценю жизнь – это так.

-Тогда отпусти нас колдун, коль наши жизни так значимы.

-Как просто рассуждаешь, а ведь у человеческой жизни есть и другая цена. Она тяжелее, ее вес – это все те души, что он калечит и губит. А вам разбойники приходилось делать это. Сколько еще несчастных вы готовы погубить и покалечить, если я вас отпущу?

-Нисколько! Нисколько! Ни одной более загубленной души! Мы каемся, клянемся Всетворцом – наперебой заголосили молившиеся бандиты, а атаман, сидевший спиной к путнику, чуть наклонился в лево и плюнул через плечо.

Мужчина не обращал на них внимания и продолжал говорить с Левапом

-Тебя Левап это касается сильнее прочих. А потому, я хочу услышать о первой из тринадцати душ, что ты погубил. Рассказывай откуда ты родом и кого ты убил.

Бандит сжал кулаки и сдавил челюсти, выдохнул. Лицо его стало безразличным словно камень. Мужик отвернулся, чтобы не смотреть путнику в глаза, и заговорил.

-Я родился в деревушке названной Скотоскорье. Матушка моя умерла от хвори, когда я еще совсем мальцом был. Жил с тремя единокровными старшими братьями и отцом. И когда я был еще отроком... у отца приключилась ссора со старшим моим братом, из-за невестки. Брат тогда толкнул отца и сразу же убежал, испугавшись, что тот его поколотит. А толкнул он так сильно,

что отец упал. Он тогда сильно ушибся, что даже с полу подниматься ему было тяжело. Отец просил о помощи, а я... Отец мой был... поганым отцом он был. Я часто мечтал его придушить во сне. Но не решался, все же он мой отец. А тогда... он бранил меня. Даже прося о помощи, он кричал и бранил. Тогда то меня и накрыла неудержимая ярость. Тогда то я и разбил его голову кочергой.

-Что случилось потом?

-Потом... а потом в смерти отца я обвинил брата. На него же указала соседка, она слышала их ссору и видела убежавшего брата. Все нам поверили и... и выходит я тогда сразу две жизни погубил.

-Хорошо Левап... то есть, молодец, что рассказал. Но ничего хорошего в твоём поступке конечно же нет. Гнида ты. Пускай и ответственность за твой нрав лежит на отце, но быть гнидой ты выбирал сам. А если не веришь в это, то вспомни братьев, они выросли достойными, особенно праведник младший... – путник замялся, но продолжил – ну довольно. Пора начинать самый интересный разговор – он вперил взгляд в последнего из молившихся, тот был особо старателен в молитве, путник ему приказал – имя и родина, называй!

Но бандит проигнорировал путника и зажмурив глаза принялся молиться еще упорнее. Мужчина встал с пня, пень исчез. Путник подошел к кругу впрыток и опустил на корточки перед бандитом, повторил приказ. Молившийся открыл глаза, но встретившись со взглядом путника испугался и тут же снова их закрыл, продолжая молиться.

-Бесполезно молиться. Всетворец на моей стороне. Исповедуйся передо мной, то же будет исповедью перед ним.

-Ложь! – воскликнул разбойник и продолжил молиться, но уже молитву чередовал со словами – Всетворец меня не оставит... Тебе меня не одурачить колдун... Твои лживые слова не властны надо мной, ибо я никогда не убивал... Имени моего ты не получишь... Как и души моей... Ибо известно мне, как крепко душа с именем повязана... Прочь злая сила... Провались во мрак из которого явился...

Колдун истерически засмеялся!

-Ха-ха-ха! Всетворец Меня поддерживает! Иначе как бы я мог удерживать вас? Это первое. Второе – ты не веруешь так рьяно, как хочешь того показать. И наконец третье – тебе действительно не доводилось убивать, но скольких ты отправил на смерть? А! Юргетеп, друг мой. Ты думал я тебя не вспомню?

Бандит сжался и заплакал, но пытался продолжать молиться.

-Ты живешь в Торке, где я две ночи провел, и оттуда же я путь держал, пока вашу шайку не встретил. А как же вы прознали, что путник по этой тропе пойдет? И как прознали, что не нищий бродяга? Да, случилось мне пару безделиц в той деревушке за высокую цену продать, Юргетеп свидетель. Так же случилось мне трех хворых исцелить и на ноги поставить. Так Юргетеп? И пускай я малую цену потребовал, но все ж не даром целительским делом занимался. От того то вы и знали, что нездешний бродяга при монете будет и упустить такого никак нельзя, а потому собрались всей шайкой. А кто вам про меня рассказал? – путник встал, пустил руку внутрь круга, схватил Юргетепа за воротник и поднял его так высоко, что его ноги бессильно болтались над землей, все остальные бандиты не смели, а вернее не могли пошевелиться – а кем был один из тех хворых? А! Отвечай Юргетеп.

-С...с...сынишка мой! – едва ли не взревел от страха и стыда бандит.

-Да, правда, твой сын – путник разжал пальцы и мужик упал зашибив копчик – я могу возратить его хворь и даже придать хвори большую силу. Это будет печальный конец. Правда Юргетеп? На твое счастье, дети не должны отвечать за грехи отцов, и твой сын еще долго будет здравствовать. А вот ты! Как ты расплатился за добро, что я дал твоему роду? А! Как Юргетеп? Тварь!

-Именем Всетворца, молуюю, пощадиини – скорее пропищал, чем сказал мужик.

-А ты еще и Всетворцом прикрываешься! Да как ты смеешь! Поберегись, ведь он тебе об этом еще припомнит, а сейчас я... Как же мне тебя наказать? Может пальцы отрубить? Или обратить в крысу? – колдун щелкнул пальцами и на месте Юргетепа оказалась бегающая по кругу и панически пищущая крыса – А может все сразу? Крыса без пальцев. Что за потеха? – снова щелчок и бандит опять обратился в человека.

-Нет! Я не могу... Умоляю, каюсь, я исповедуюсь!

-Тогда рассказывай. Ты знаешь, что.

-Я Юргетеп из Торки. Я... я рассказывал атаману обо всех, кто проходил через мою деревню: про купца с дочерью, про братьев строителей мельниц, про барда, про молодоженов с малым сыном и... и про вас. Я...я помогал их всех грабить, но... но на моих руках крови нет.

-Ошибаешься. На твоих руках кровь каждого, кого ты выдал на расправу. Тоже касается и вас Орб и Ноидор – путник обвел мужиков взглядом и продолжил обращаясь уже ко всей шайке:

-Теперь, когда прегрешения каждого из вас открыты и каждый из вас честен перед собой, перед товарищами и перед Всетворцом, пришло время решить ваши судьбы – путник обвел взглядом каждого – Вы грабители и душегубы, женоубийцы и отцеубийцы, предатели и клятвопреступники... но даже ваша жизнь ценна. Что же благого вы можете сделать если продолжите жить? Как распорядитесь дарованной жизнью? Отвечайте. Ноидор, Орб и Юргетеп вижу вам есть что сказать.

-Прово же – ответил за всех Ноидор – семьи наши, родня наша для нас превыше всего, мы их заботой окружим и защитой – Орб и Юргетеп согласно кивали.

-И что изменится? Вы снова убивать и грабить будете оправдывая свой грех заботой о семьях, так что ли?

-Нет-нет! – отнекивались мужики все вместе, а Орб пояснил – п...п...по совести жить будим господин колдун. Трудиться будим, соседей о помощи попросим, но на разбой не выйдем. И живой души более ни одной не погубим, н...н...намеренно.

-Но если кто-то моим кровным угрожать будет, я за себя не ручаюсь, уж на защиту так стану, что и убиением обидчиков не побрезгую – добавил за себя Ноидор.

-Ваши намерения благие. Я их принимаю – и обращаясь к атаману – Нефрап, что о себе скажешь?

Атаман так и сидевший отвернувшись, плюнул прежде чем ответить.

-Не знамо уж я. Давно я на родине не бывал, пора родню навестить, узнать, как у них что. А

може уж помогу чем, хоть добрым словом и советом.

-И все?

-И душегубство брошу, сам об этом подумывал на досуге, устал уж я... Вот все, Всетворцом клянусь.

-А ты Левап?

-Не знаю – бандит скривил лицо, словно съел что-то горькое.

-А ты подумай.

-Ну тоже к родичам отправлюсь, с братьями повидаюсь, помогать там им буду.

-И все?

-Да

-Уверен?

-Да – бандит сказал и смачно сплюнул.

-Некоторые из вас явили желание поклясться, что ж да будет так. Давшие клятву жить праведно и оставить позади буйное прошлое - получат свободу. Клятву я приму только если ее дадут все живые зачинщики разбоя, а если меж вами не будет единодушия, то и свободу, и жизни вы не получите. Но должен вас предупредить, это будет не та клятва к которым вы привыкли, не та клятва, которую можно просто нарушить, ибо давать эту клятву вы будите не только Всетворцу, но еще и мне. А главное вы поклянетесь самим себе. Кто ее преступит - потеряет нечто большее чем свою жизнь – мужчина сделал паузу давая разбойникам обдумать услышанное – Клятва будет на крови, и она должна пролиться, у вас есть нож, каждый должен дать несколько капель своей крови.

Так как нож был у атамана, он стал первым. По выражению лица Нефрапа можно было легко понять, как сильно он не хотел давать эту клятву, но толи страх смерти его заставил, толи в нем все же была крупица покаяния. Вторым стал Ноидор, он без сомнений рассек свою ладонь. Третий – Юргетеп боялся, его больше пугало само действие, но видимо страх разгневать колдуна еще раз пересилил страх потерять душу, а угрызения совести предали решимости. Далее очередь перешла к Левапу, но тот покачал головой и передал нож следующему. Орб принял нож с готовностью, но медлил, боялся причинять себе увечье или страшился боли, совершив легкий надрез он шикнул и отдернул руку.

Все кроме Левапа были готовы давать клятву. Путник заговорил грозно глядя ему в глаза.

-Ты не хочешь жить?

-Хочу

-Уверен?

-Я желаю жить, да только так, как любо мне, али нет то пускай сдохну. Смерть мне милее, чем жизнь под чуждым гнетом. Убив отца я получил свободу, так кончу свой век свободным оставаясь.

Бандиты недоуменно поглядывали на товарища, и только во взгляде атамана читалась толика понимания, однако же в сочетании со снисходительной улыбкой.

-Я не лишаю тебя свободы.

-Ты поручаешь жить по своему укладу, но мне чужд твой уклад.

-Тогда твой выбор сделан и... И как я говорил, я приму клятву только если ее дадут все живые зачинщики разбоя, меж вами должно быть единомушие.

-Угомонись колдун – возмутился атаман – раз уж Левап дурной, таки не жалко его. Изводи дурня со свету, а нас не тронь. Мы уж согласие дали под твою дудку плясать.

-Нет. Вы на разбой вместе ходите, одной ватагой, а значит и ответ держите друг за друга. Кого надоумил а кто-кого не остановил или когда мог что-то пресечь, но не пресек, спорить об этом – сотрясать воздух. Совесть вам позволила стерпеть грехи товарищей и теперь за то, что вы вместе творили, будете вместе отвечать. Раз положились на Левапа значит или разделите с ним одну судьбу или уговорите своего побратима дать общую клятву.

-Ты уж слышал, чего колдун требует? Соглашайся – приказал атаман – Или мне тебя заставить.

-Соглашусь! А что толку? – начал спорить с атаманом Левап – Я давно разбоем живу, а без грабежей на что мне выживать? Семьи нет, земли нет, даже дома нет. Живу бродягой - то там, то тут, а бывало и к тебе на ночевку напрашиваюсь. Ты ж тут один понимаешь меня - одним лесом сыт не будешь.

-Ты клятву колдуну давай – атаман подошел ближе и полупшепотом добавил – а как отвяжемся от него, я уж растолкую как тебе жить. Али ты уж дурак совсем?

-Нет – Левап оттолкнул атамана – не бывать клятвы!

-ТЬфу – атаман плюнул мужику под ноги – упертый дурень!

Ноидор набычился, подошел к Левапу впритык.

-Свою то жизнь не бережешь, так побереги чужие. Али сгину я, кто дитяток кормить будет?

-А плявать! Баран! Что мне твои дитятки? Жирком уж обросли, чай не помрут годик-другой!

Мужики сомкнулись лбами. Ноидор, мотнув головой, как бы толкнул Левапа, взметнулись кулаки, но буянов попридержали товарищи.

-Ноидор дело говорит – поддакнул Орб.

-Право! Уж сейчас колотить начнем, пока не согласишься – поддерживал всех атаман – только ножик дайте, я ему перво-наперво немного крови пушу, чтоб клялся охотнее.

Орб нерешительно протянул Нефрапу нож, Левап закричал, задергался, освободил одну руку и попытался схватить нож раньше атамана, но попросту выбил его из руки Орба. Началась толкотня, пытались подобрать нож, Ноидор и Нефрап месили Левапа, тот отбиваясь бил всех без разбора. Каким-то образом нож оказался в руках у Юргетеп. Трус поддавшись безумию драки несколько раз пырнул Левапа под ребро. Заметив кровь, бандиты остановили избиение, все в удивлении смотрели на умирающего и убийцу. Юргетеп сделав шаг назад выронил окровавленное оружие.

-Ты что сделал дурной! – закричал атаман – Зачем ты его убил?

-Я...я...я не хотел, это само... Оно само вышло! – оправдывался дрожащий и срывающийся на рыдание мужик.

-Во имя Всетворца! Что ты наделал? Как? Как мы теперь будем клятву давать?

-Э...э...это... Он! – Юргетеп трясущейся рукой указал на колдуна – Он сказал, что клятву должны давать все живые...

Бандиты подняли взгляды на путника. Мужчина наблюдал за потасовкой с полным безразличием. Он подтвердил слова крысы.

-Клятвы касаются только живых. Он выбрал смерть и его палачами стали его же собраты – и обращаясь к Юргетепу – теперь и ты пролил кровь собственными руками и равен своим побратимам во всем – колдун замер на несколько мгновений, словно ожидая чего-то и когда время пришло продолжил – Левап умер. Мы можем приступить к принесению клятвы. Протяните вперед раненную руку и повторяйте за мной:

-Я «назовите имя» пролил свою кровь, дабы скрепить ею клятву...

Колдун остановился, так как некоторые колебались. Он смерил их грозным взглядом и торопливо и невпопад затараторили слова клятвы. Колдун продолжил:

-Клянусь я самому себе, что совесть моя не даст переступить грани человеческой доброты и единокудия, что отныне и до тех пор пока ступаю по земле я буду дарить ближним лишь благо и не допущу не зла, не худа ни от себя ни от ближнего. Клянусь я самому себе и Всетворцу, что душа моя не возжелает пасть в порок, не примет на себя ни корысти, ни зависти, ни злости, ни гордыни а примет любовь к ближним и любые дарованные Всетворцом благие начала. Клянусь я самому себе, Всетворцу и вершителю моей судьбы, что клятву хранить будут и мое тело и мой дух. А если я клятву нарушу, приму суд и наказание от вершителя моей судьбы и наказание от Всетворца и наказание от самого себя.

Колдун раскинул руки в стороны и торжественно провозгласил: «Клятва произнесена!». Мужчина с довольным лицом оглядел мужиков.

-Скоро вы получите свободу, оковы исчезнут когда солнце окрасит горизонт красным. Чтите и не забывайте свою клятву. Ах! И позаботьтесь о теле Левапа, он был вашим братом и заслуживает достойных похорон. А теперь я откланиваюсь, если нарушите клятву, я узнаю. Всех благ вам, друзья!

Стоило путнику попрощаться, как тут же его тело обратилось в пыль, которую развеяло по ветру. Мужики вздохнули с облегчением. Атаман разразился забористой бранью. Никто не смел даже пытаться выйти за круг, они то ли верили колдуну, то ли так сильно его боялись, что стали смиренно дожидаться заката. А зря. Любой из них мог отправиться восвояси не почувствовав преграды. Чары не сковывали бандитов ни сейчас, ни ранее. Бандиты сами себе внушили свое заточение, и их собственные глаза их обманывали, внушая и суд, и наказание, и клятву. Таково было коварство этого волшебства. А путник, на которого они напали ушел уже далеко вперед. Он переходил небольшой мостик, впереди виднелась деревня. Вдруг путник замер ощутив, как развеялись его чары – «Давно пора» - подумал он и продолжил путь.

Он приближался к Яхово. О том, что в этой деревне живут двое из недавно напавших на него разбойников путник не знал, да и откуда ему было это узнавать. Все сказанное бандитами было

и остается только между ними и чарами которым они открылись и которых больше не существует.

У путника не было намерения убивать разбойников, так как он и правда ценит жизнь, зато желания проучить мерзавцев было предостаточно. Чары дурманящие разум подходили как нельзя лучше, а их свойство раздувать дремлющее в человеке пламя совести могло бы присмирить разбойников и удержать их от гнусных поступков в будущем. А если бы бандиты Собственная совесть порой наказывает суровее любых пыток и удерживает крепче любых оков. А те у кого совести нет, пусть боятся наказания, которое отныне будет существовать в их воображении.

О том, что чары вынудили бандитов убить одного из своих, мужчина не знал и не догадывался. Очередное доказательство того, что волшебство не игрушка.

Остахан, таково было имя путника, не являлся таким человеком, который стал бы вести странные беседы с бандитами, тем более читать им морали, тем более призывая их к праведности. А зачем? Какое ему дело до судеб этих проходимцев? Он им не мать и не батька - как справедливо распинался перед иллюзией атамана. И не святой, чтобы заглядывать в их души, а тем более спасать их. Разве смог бы он узнать из бандитских историй нечто новое, то, чего в мире еще не бывало? Нет. Да и не важно уже, разбойники остались в прошлом, а для Остахана намного интереснее и важнее будущее и его притягательная неизведанность.

Примечания:

1. Эффект от удара электрошокером
2. «Исповедь коршуна» - отрывок(измененный) из произведения А. К. Толстого «Князь Серебряный»

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/77551/2328061>